

212	0174-01	БОРИС ПОПЛАВСКИЙ	“Напрасная музыка”	Часть 1 «Звёздный ад»
213	0174-02	БОРИС ПОПЛАВСКИЙ	“Напрасная музыка”	Часть 2 «Огонь в печи»

“Напрасная музыка” (Коренблит – Поплавский)

Часть 1 «Звёздный ад»

1. Дон-Кихот	– 3.05
2. Малый цирк	– 1.22
3. Холодные весы	– 1.56
4. Зимняя грёза	– 3.22
5. Рождество	– 3.37
6. Звёздный ад	– 1.43
7. И снова	– 2.33
8. Дождь	– 2.23
9. На заре	– 2.00
10. Ты есть	– 2.13
11. Последний парад	– 3.00
12. Июньский день	– 1.52
13. Ясность	– 1.53
14. Очарованный летом	– 2.33
15. Астральный мир	– 2.45
16. Усталость	– 2.10
17. Страх заката	– 2.02
18. Напрасная музыка	– 1.56
19. Мечтатель и остальные	– 1.39
20. Убывание боли	– 2.41
<i>Общее время звучание</i>	<i>– 46.45</i>
<i>Общее время звучания</i>	<i>– 89.24</i>

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1 «Звёздный ад»

1. ДОН-КИХОТ

Надо мечтать! Восхищаться надо!
Надо сдаваться! Не надо жить!
Потому что блестит на луне колоннада,
Поют африканцы и пропеллер жужжит.

Подлетает к подъезду одер Дон-Кихота
И надушенный Санчо на красном осле.
И в ночи возникает, как стих, как икота:
Беспредметные скачки, парад и балет

Аплодируют руки оборванных мельниц
И торговцы кричат голосами Мадонн,
И над крышами банков гарцует бездельник,
Пляшет вежливый Фауст, святой Купидон.

И опять на сутулом горбу лошадином
В лунной опере ночи он плачет, он спит.
А ко спящему тянутся руки ундины,
Льются сине-сиреневых пальцев снопы,

На воздушных качелях, на реях, на нитках
Поднимается всадник, толстяк и лошак,

И бесстыдные сыплются с неба открытки
(А поэты кривятся во сне натошак).

Под чернильным ножом, косарем лиловатым,
Острый облак луне отрубает персты.
И сорвавшись, как клочья отравленной ваты
Скоморохи валяются через ложный пустырь.

Но с размаху о лед ударяют копыта.
Останавливаются клячи дрожа.
Спит сиреневый полюс, волшебник открытый,
Дед бессмертный, блестящий как белый пиджак.

В отвратительной неге прозрачные скалы
Фиолетово тают под ложным лучом,
А во льду спят замерзшие девы акулы,
Шелковисто сияя покатым плечом.

И остряк путешественник, в позе не гибкой,
С неподвижным секстантом в руке голубой,
Сузив мертвый зрачок, смотрит в небо с улыбкой,
Будто Северный Крест он увидел впервой.

И на белом снегу, как на мягком диване,
Лег герой приключений, расселся денщик,
И казалось ему, что он в мраморной ванне
А кругом орхидеи и Африки шик.

А над спящим все небо гудело и выло,
Загорались огни, полз прожектора сноп,
Там летел дирижабль, чье блестящее рыло
Равнодушно вертел чисто выбритый сноб.

И смотрели прекрасные дамы сквозь окна
Как бежит по равнине овальная тень,
Хохотали моторы, грохотали монокли,
И вставал над пустыней промышленный день.

2. МАЛЫЙ ЦИРК

Распухает печалью душа,
Как дубовая пробка в бочонке.
Молоток иль эфес бердыша
Здесь подстать, а не зонтик девчонки.

Черный сок укрепчает от лет,
Для болезного сердца отравя.
Опьянеет и выронит славу
В малом цирке неловкий атлет.

В малом цирке, где лошади белые
По арене пригоже кружат,
И где смотрят поэты дрожа,
То, что люди бестрепетно делают.

Где под куполом лампы и тросы
И качели для храбрецов,
Где сидим мы, как дети матросов,
Провожающие отцов.

3. ХОЛОДНЫЕ ВЕСЫ

Мы вышли. Но весы невольно опускались.
О, сумерков холодные весы,
Скользили мимо снежные часы
Кружились на камнях и исчезали.

На острове не двигались дома,
И холод плыл торжественно над валом.
Была зима. Неверящий Фома
Персты держал в ее закате алом.

Вы на снегу следы от каблука
Проткнули зонтиком, как лезвием кинжала.
Моя ж лиловая и твердая рука,
Как каменная, на скамье лежала.

Зима плыла над городом туда,
Где мы ее, увы, еще не ждали,
Как небо, многие вмещающая города
Неудержимо далее и дале.

4. ЗИМНЯЯ ГРЕЗА

Зимний просек тих и полон снега,
В темноте шумит пустой трамвай.
Вороны летят ища ночлега.
Со скамьи не хочется вставать.

Парк велик, до города далеко,
Цепенеет сердце, снег синееет.
Что Ты, друг мой, иль Тебе так плохо,
Что домой вернуться Ты не смеешь?

Нет, мне просто хорошо и глухо.
Как темно сейчас среди деревьев,
Дальний грай доносится до слуха,
Гаснет свет, за лесом догорев.

Кто там ходит позднею порою?
Дева память, спи свидетель мой.
Кто поет во мраке со звездой,
Что Христос рождается зимой?

В нищете, в хлеву, покрытом снегом,
Вол и ослик выдыхают пар.
Кто кричит над снеговым ночлегом?
Это память мне мешает спать.

Спит Иосиф, в темноте белея,
 Пролетает поезд над пещерой.
 Над недвижной снеговой аллеей
 Пастухи встают в тумане сером.

Глубоко в снегу не надо друга.
 Далеко от жизни и обид.
 Встанет месяц в середину круга,
 Белый лес недвижно озарит.

Ярко, ярко среди узорных веток
 Синие лучи зажгут снега,
 Будет утро медлить. До рассвета
 Все сравнивает белая пурга.

Скоро утро, шепчет Магдалина,
 Гости ночи, отстраняя полог.
 Ветви пыльных пальм Иерусалима
 Сквозь дремоту ждут петуший голос.

5. РОЖДЕСТВО

Рождество расцветает. Река наводняет предместья.
 Там, где падает снег, паровозы идут по воде.
 Крыши ярко лоснятся. Высокий декабрьский месяц
 Ровной, синею нотой звучит на замёрзшем пруде.

Чётко слышится шаг, вдалеке без конца повторяясь,
 Приближается кто-то и долго стоит у стены,
 А за низкой стеной задыхаются псы, надрываясь,
 Скаля белые зубы в холодный огонь вышины.

Рождество, Рождество! Отчего же такое молчанье,
 Отчего всё темно и очерчено четко везде?
 За стеной Новый Год. Запоздалых трамваев звучанье
 Затихает вдали, поднимаясь к Полярной звезде.

Как все чисто и пусто. Как всё безучастно на свете.
 Все застыло, как лёд. Все к луне обратилось давно.
 Тихо колокол звякнул. На брошенной кем-то газете,
 Нарисована ёлка. Как страшно смотреть на неё.

Тихо в чёрном саду, диск луны отражается в лейке.
 Есть ли елка в аду? Как встречают в тюрьме Рождество?
 Далеко за луной и высоко над жёсткой скамейкой
 Безмятежно нездешнее млечное звёзд торжество.

Всё как будто ждало, и что спугнута птица шагами
 Лишь затем, чтоб напомнить, что призраки жизни страшны,
 Осыпая сиянья, как долго мы были врагами
 Тишины и природы, и всё ж мы теперь прощены.

6. ЗВЁЗДНЫЙ АД

Чу! подражая соловью поёт
 Безумная звезда над садом сонным.
 Из дирижабля ангелы на лед
 Сойдя молчат с улыбкой благосклонной.

В тропическую ночь, над кораблем,
 Она огнем зеленым загорелась.
 И побледнел стоящий за рулем,
 А пассажирка в небо засмотрелась.

Блуждая в звуках над горой зажглась,
 Где спал стеклянный мальчик в платье снежном,
 Заплакал он не раскрывая глаз,
 И на заре растаял дымом нежным.

Казалось ей: она цветет в аду.
 Она кружится на ночном балу.
 Бумажною звездой на полу,
 Она лежит среди разбитых душ.

И вдруг проснулась; холод плыл в кустах,
 Она сияла на руке Христа.

7. И СНОВА

Над солнечною музыкой воды,
 Там, где с горы сорвался берег в море
 Цветут леса и тает белый дым
 Весенних туч на утреннем дозоре.

Я снова встал душой из зимней тьмы
 И здесь в горах за серою агавой,
 Который раз мне здесь раскрылся мир
 Мучительной и солнечной забавой.

В молчаньи на оранжевую землю
 Течет смола. Чуть слышный шум вдали
 Напоминает мне, что море внемлет
 Неспешно покрывая край земли.

Молчит весна. Все ясно мне без слова,
 Как больно мне, как мне легко дышать.
 Я снова здесь. Мне в мире больно снова,
 Я ничему не в силах помешать.

Шумит прибой на телеграфной сети
 И пена бьет, на улицу спеша,
 И дивно молод перевозанный ветер –
 Не помнит ни о чем его душа.

Покрылось небо темной синевою,
 Клубясь, на солнце облако нашло
 И, окружась полоской огневою,

Скользнуло прочь в небесное стекло.

В необъяснимом золотом движеньи,
С смиреньем дивным поручась судьбе,
Себя не видя в легком отраженьи,
В уничижении, не плача о себе,

Ложусь на теплый вереск, забывая
О том, как долго мучился, любя.
Глаза, на солнце греясь, закрываю
И снова навсегда люблю Тебя.

8. ДОЖДЬ

Вздвухался тент, как полосатый парус.
Из церкви выходил сонливый люд,
Нивесть почто входил вдруг ветер в ярость
И затихал. Он самодур и плут.

Вокруг же нас, как в неземном саду,
Раскачивались лавры в круглых кадках,
И громко, но необъяснимо сладко
Пел граммофон, как бы Орфей в аду.

«Мой бедный друг, живи на четверть жизни.
Достаточно и четверти надежд.
За преступленье четверть укоризны
И четверть страха пред закрытjem везд.

Я так хочу, я произвольно счастлив,
Я произвольно черный свет во мгле,
Отказываюсь от всякого участия,
Отказываюсь жить на сей земле».

Уже был вечер в глубине трактира,
Где чахли мы, подобные цветам.
Лучи всходили на вершину мира
И улыбаясь умирали там.

По временам, казалось, дождь проходит.
Не помню, кто из нас безмолвно встал
И долго слушал, как звонок у входа
В кинематограф первый стрекотал.

9. НА ЗАРЕ

Розовеющий призрак зари
Возникал над высоким строеньем.
Гасли в мокром саду фонари,
Я молился любви... Озари!
Безмятежным своим озареньем.

По горбтому мосту во тьме
Проходили высокие люди.
И вдогонку ушедшей весне,

Безвозмездно летел на коне
Жесткий свист соловьиных прелюдий.

А в лесу на траве непримятой,
Умирала весна в темноте.
Пахло сыростью, мохом и мятой.
И отшельник в шубенке косматой
Умывался в холодной воде.

10. ТЫ ЕСТЬ

Под глубокою сенью аллеи
Дождь дорожку омыл добела.
Утомилась рука водолея,
В белом небе сирень расцвела.

Все как прежде и только цветы,
Нежным запахом в холод дыша,
Оживили кусты. Дни пусты,
Но очнулась и внемлет душа.

Фиолетовый гребень в дожде
Мимолетного грохота ждет,
Пар ползет на пруду и везде
Что-то медлит, но снова живет.

В тонкой заводи прядает гладь,
Отраженье зари зарябив.
Но охотник не хочет стрелять,
Смотрит в небо, ружье зарядив.

Средь капли, где луч на весу
Повторяется тысячи раз,
Начинается лето в лесу,
Раскрывается множество глаз.

Я не вижу Тебя, но Ты здесь,
Я не слышу Тебя, но Ты есть.
Где-то птица поет. Это весть,
Что лесам невозможно не цвести,

Что заре невозможно не быть
Ярким дымом на белых домах,
И что сердцу нельзя не любить
Это утро Твое на холмах.

11. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

Летний день был полон шумом счастья,
Молния сверкала синей птицей.
Выезжали из пожарной части
Фантастические колесницы.

А сквозь город под эскортом детским,
Под бравурный рев помятых труб,

Проходила в позах молодецких
Лучшая из мюзик-холльных трупп.

На широких спинах коней пегих
Балерины белые дремали.
И пустые гири на телеге
Силачи с улыбкой подымали,

Солнце грело вытертые плюши,
А в тени пивных смотрели рожи,
Их большие розовые души
Улыбались музыке прохожей.

Был в толпе красивый шелест яркий,
Блеск весенних праздничных костюмов,
Пьяные кричали с белой арки.
Улыбался сад, цвести раздумав.

Ночь пришла, и клоуны явились.
Счастье жизни хохотало труппе
Музыканты-лошади кружились
С золотой стрекозой на крупе.

Но потом огонь блеснул в проходе,
Львы взревели, поднимаясь дыбом,
Как на океанском пароходе
Люди дрались в океане дыма.

И со всех сторон огнем объятый,
Молодой американец нежный
На кривой трубе сыграл бесплатно
Похоронный вальс и безмятежный.

А потом упал и задохнулся.
А костер огромный разрастаясь
Облаков тычинками коснулся
И потом в рассветной мгле растаял.

А наутро в ореоле зноя
Над театром отошедшем в вечность,
Сад раскрылся розовой стеною
В небесах пустых и безупречных.

12. ИЮНЬСКИЙ ДЕНЬ

В ярком дыме июньского дня,
Там, где улица к морю ведет,
Просыпается утро от сна,
Сад цветет и шарманщик поет.

Огибая скалистый мысок,
Пароход попрощался с Тобой.
Темно-желтый дорожек песок
Свеже полит водой голубой.

В ресторане под тентами штор
 Отраженья речной глубины,
 И газета летит на простор
 В шум морской и воздушной волны.

Посмотри! все полно голосов,
 Ярких платьев, карет дорогих,
 И в горячий уходят песок
 Руки смуглые женщин нагих.

Вдалеке, среди молочных паров
 Солнце скрыло хрустальной дугой
 Грань воздушных и водных миров,
 И один превратился в другой.

А за молом, где свищет Эол,
 И спускаясь пылит экипаж
 Сквозь сады, в сновидении пчел,
 Гордый дух возвратился на пляж.

Значит рано молитвы творить,
 Слишком летняя боль глубока –
 Так, впадая, на солнце горит
 И, теряясь, сияет река.

13. ЯСНОСТЬ

Там, где тонкою нитью звеня
 Ветер боли и вольности рад,
 Ярким дымом июльского дня
 Наполняется сердце с утра.

Набегая на теплый песок,
 Меж деревьев сияет вода
 И, вскипев у горячих досок,
 Возвращается вспять без следа.

Отражая часы и часы,
 Облаков белоснежный парад,
 Мясника золотые весы,
 Под опущенной шторой горят.

У платформы, где в блеске стрекоз
 Обрывается путь в камышах,
 Паровоз, что нам письма привез,
 Отдыхает, чуть слышно дыша.

А за ним на горячем песке
 Выгорают палаток цветы
 И, загаром лоснясь налегке,
 Возвращаешься к берегу Ты.

И навстречу ревушей волне

Раскрывается небо вполне,
 Будто все превратилось, любя,
 В голубой ореол для Тебя.

Но чем ярче хрустальная даль,
 Где волна, рассыпаясь, бежит,
 Там острее прошедшего жаль
 И яснее, что счастьем не жить.

14. ОЧАРОВАННЫЙ ЛЕТОМ

Розовый час проплывал над светающим миром.
 Души из рая назад возвращались в тела.
 Ты отходила в твоём сверхъестественном мире.
 Солнце вставало, и гасла свеча у стола.

Розовый свет опадал в высоте безмятежной.
 Вдруг Ты проснулась еще раз; но Ты никого не узнала,
 Странный твой взгляд проскользил удивленный и нежный
 И утонул в полумраке высокого зала.

А за окном, незабвенно блистая росой,
 Лето цвело и сады опускались к реке.
 А по дороге, на солнце блистая косою,
 Смерть уходила и черт убежал налегке.

Мир незабвенно сиял очарованный летом.
 Белыми клубами в небо всходили пары.
 И, поднимая античные руки, атлеты
 Камень ломали и спали в объятьях жары.

Солнце сияло в бессмертном своем обаянье.
 Флаги всходили, толпа начинала кричать.
 Что-то ужасное пряталось в этом сиянье.
 Броситься наземь хотелось, забыть, замолчать.

15. АСТРАЛЬНЫЙ МИР

Очищается счастье от всякой надежды,
 Черепичными крыльями машет наш дом
 И по-птичьему ходит. Удивляйтесь, невежды,
 Приходите к нам в гости, когда мы уйдем.

На высоком балконе, над прошлым и будущим,
 Мы сидим без жилетов и молча жуем.
 Возникает меж звезд пассажирское чудище,
 Подлетает. И мы улетаем вдвоем.

Воздух свистнул. Молчит безвоздушный прогон.
 Вот земля провалилась в чернильную лузу,
 Застегните, механик, воздушную блузу. –
 Вот Венера, и мы покидаем вагон.

Бестолков этот мир четырех величин.
 Мы идем, мы ползем, мы взлетаем, мы дремлем;

Мы встречаем скучающих дам и мужчин,
Мы живем и хотим возвратиться на землю.

Но таинственный мир, как вода из-под крана,
Нас толкает, и ан, исчезает сквозь пальцы.
Я бросаюсь к Тебе, но шикарное зальце
Освещается, и я перед белым экраном,

Перед синей водою, где круглые рыбы,
Перед воздухом: вертится воздух, как шар.
И над нами как черные айсбергов глыбы
Ходят духи. Там будет и Ваша душа.

Опускаются с неба большие леса.
И со свистом растут исполинские травы.
Водопадом ужасным катится роса
И кузнечик грохочет, как поезд. Вы правы.

Нам пора. Мы вздыхаем, страшимся и машем.
Мы кружимся как стрелка, как белка в часах.
Мы идем в ресторан, где стоит на часах
Злой лакей, недовольный одеждою нашей.

И как светлую и прекрасную розу
Мы закуриваем папиросу.

16. УСТАЛОСТЬ

Ты устал, отдохни.
Прочитай сновидений страницу
Иль в окно посмотри,
Провожая на запад века.
Над пустою дорогой
Помедли в сияньи денницы
И уйди, улыбаясь, как тают в пруду облака.
В синеве утонув,
Над водою склоняются травы.
Бесконечно глядясь
Не увидят себя камыши.
Подражая осоке безмолвной и горькой, мы правы –
Кто нас может заметить
На солнце всемирной души?
Мы слишком малы.
Мы слишком слабы.

Птица упала.
Не упасть не могла бы,
Жить не смогла на весу.
Поезд проходит в лесу

17. СТРАХ ЗАКАТА

Опять в полях, туманясь бесконечно,
Коричневое море разлилось.
Трава желтеет на холмах заречных,

Как быстро в небе лето пронеслось.

Ползут высоко полосы белее.
Там долго солнце белое молчит.
Тоскуют птицы. Вечер ждет в аллее,
Товарный поезд медленно стучит.

Молчит в закате белом все живое.
Все томится, все щурится на свет,
Спит, улыбаясь, небо голубое
Спокойным обещаьем слез и бед.

Над белой болью неба без возврата
Смолкает шум мучений городских,
Несется пыль, темнеет страх заката
И мелкий океан сосут пески.

18. НАПРАСНАЯ МУЗЫКА

Вечером ярким в осеннем парке
Музыка пела: «Вернусь, вернусь».
Вечером дивно прекрасным и кратким
Сердце не в силах забыть свою грусть.

Белое лето дождем отшумело,
Вот уж лазоревый август расцвел.
Сердце к туману привыкнуть успело,
К близости долгих метелей и зол.

Слишком прекрасно лазурное небо.
«Больно мне, больно, и я не вернусь».
Музыка тихо вздыхает без дела,
Сердце не в силах забыть свою грусть.

19. МЕЧТАТЕЛЬ И ОСТАЛЬНЫЕ

Целый день в холодном, грязном саване
Спал мечтатель, позабыв о мире,
Утром было состязанье в плаванье
Трубачи играли на буксире.

Потные гребцы кричали с лодок,
Шумно люди хлопали с мостов,
И в порыве ветра на свободу
Флаги рвались с окон и шестов.

Ветер в воду уносил журналы,
В синеву с бульвара пыль летела,
И воздушный шарик у вокзала
Вился в ветках липы облетелой.

Все, что летом прочь не уезжали,
Желтый лист возили на бульваре,
И на небе щурясь разбирали
Объявленье на воздушном шаре,

Все они бодрились, улыбались
 И грустить друг другу не давали,
 Будто никогда не ошибались,
 Будто ничего не ожидали.

И устав от пестроты и лени
 Возвратились по домам без ног,
 В час, когда в больном оцепененье
 Встал мечтатель и раскрыл окно.

20. УБЫВАНИЕ БОЛИ

Солнце нисходит, еще так жарко,
 Но в воздухе осень, и парк поредел.
 Там ярко горят лимонады в хибарке
 И желтые листья газет на воде.

Еще мы так молоды. Дождь лил все лето,
 Но лодки качались за мокрым стеклом.
 Трещали в зеленом саду пистолеты.
 Как быстро, как неожиданно лето прошло.

Так поздно в стекле синева отражалась,
 И месяц вставал над фабричной трубой.
 Душа мироздания – Надежда на жалость, -
 Быть может мы летом простились с Тобой.

Так тише и чище. Молчит в амбразуре
 Высокой тюрьмы арестант на закате,
 И в ярком сиянье осенней лазури
 Свистит паровоз на кривой эстакаде.

Вагоны, качаясь, уходят на запад.
 С бульвара доносится шум карусели.
 Он смотрит в сиянье; не хочется плакать.
 Как пыльно и кратко отъездов веселье.

Над башней проносятся поздние птицы.
 Как быстро о солнце листва забывает.
 Рука открывает святыя страницы.
 Глаза закрываются. Боль убывает.